

Разговор о М.Е.Соковнине в Маале Адумим (июнь 2016)

(спрашивают Г.В.Зыкова, Е.Н.Пенская; отвечают К.К.Доррендорф, Н.В.Зейфман)

Константин Константинович, Вы ведь одноклассник Михаила Евгеньевича?

К.Д. Одновременно кончали 123 школу, в 1956 году, в параллельных классах. Школа на Большой Никитской, Хлыновский тупик.

С Соковниным странным образом мы сразу, очень резко сошлись на выпускном вечере. Я там исполнил свою арию фотоаппаратом, снимал, пара пленок сохранилась. Сейчас с большой ностальгией рассматриваю эти лица, пытаюсь вспомнить, кто есть кто, кого как зовут.

Выпускной вечер, все танцуют, а мы с Соковниным уселись на лестнице, на верхней площадке, и до утра разговаривали. Девочки нам носили вино, носили мороженое, мы не глядя на них это принимали, съедали, выпивали и продолжали говорить.

Я помню только некоторые яркие эпизоды. Он меня спросил: «Что ты больше всего ценишь в искусстве?» — «Силу». Он чуть не подпрыгнул. Вот, говорит, правильно, то самое. Я и сейчас отвечаю так.

Вы как-то это пояснили тогда?

К.Д. А для нас это не требовало пояснения.

Хорошая была школа?

К.Д. Хорошая.

Нежно любящий меня Александр Федорович Гришин, математик, говорил: «Другому бы я поставил пять, тебе — четыре» (отсюда две четверки в аттестате).

Потрясающая учительница литературы Марлена Александровна Кардыш. Она казалась тогда неженственной, высокая, брутальная, входя в класс, еще из коридора бросала классный журнал на стол.

Следы ее затерялись. Недавно вдруг вынырнула какая-то наследница из Америки: на сайте, который сейчас уже исчез (imagemaster.ru), увидела сделанную мной ее фотографию, написала мне с просьбой прислать какие-нибудь фото еще. Про Марлену должен быть отдельный разговор, мы к этому еще вернемся.

С Соковниным всегда особенно близок его одноклассник Мальков. В футбол и в стратегию они играли вместе. Похабные частушки на магнитофон записывали вместе. «Красную шапочку» на мой магнитофон. Я привез их сюда, эти пленки с надписью «Голоса великих современников». Нет сейчас пленок, куда делись, не понимаю.

«Гамлета» среди этих записей помните?

К.Д. Помню, но больше помню «Красную шапочку». Дровосек у бабушки, волк у Красной шапочки, со всякими стуками-бряками, а кончалось все словами: директора картины — Малькевич и Соковназер.

Е.П. А вот это уже чистый Тик.

К.Д. Мы с Мишей общались, играя в футбол на чертежной доске с помощью шахматных фигурок. Пуговица была мячом. А с Мальковым они время прово-

дили за более интеллектуальным занятием: изобрели игру «Стратегия». Сложные правила, передвигались сложные объекты; были т.н. «тараськи», на которые грузились неизвестные противнику вооружения и личный состав... Игра велась стохастически — бросали кости, кому сколько шагов сделать; ставили «по границе» стену, кривую такую... Самое же интересное в игре были названия, топонимика. Мальковскую вслух и воспроизвести нельзя: сплошной мат, но на основе превосходного знания немецкого языка. А у Соковнина названия были русские: Щерыщеры, Убьюск... Я хотел им предложить село Большое Спасибо.

Вы говорили о стихах, конечно?

К.Д. Да, и Миша был здесь отчасти в роли старшего. Но я не был послушным учеником. Он работал в своей особенной манере, манере предметников...

А как вы это слово понимаете? Откуда оно взялось?

К.Д. Перечисление предметов. Иногда отношений. Но сами предметы объявляли отношения.

Медведь медведь медведь медведь

Поверил ведьме.

Ведьма ведь.

Н.З. Расскажи, как Миша вел тебя.

Вел... как читателя или как автора?

К.Д. Я и сам писал ведь, и признавал его превосходство интеллектуальное, но не как поэта.

Соковнин был мой ближайший друг, самый близкий друг. Этим достаточно сказано.

То есть для вас он как человек был больше, чем то, что осталось в текстах?

К.Д. Да, конечно. Неизмеримо больше. Когда он умер, на его похороны пришли человек триста. Посторонние спрашивали: "Кто помер-то?". Он был необыкновенно общителен, всеми интересовался. И каждый, наверное, считал его своим ближайшим другом...

...

К.Д. А вот этот снимок — щельковский. Соковнин там работал в музее Островского.

Н.З. Первый раз мы были там в 62-м... Второй раз в 71-м.

К.Д. Все щельковские снимки с Соковниным относятся к 71-му году. Есть триптих из щельковских фотографий, Мишей особенно любимый, он назывался «Больничная карта Соковнина»: «Гигантомания», «Нарциссизм» и «Экзгибиционизм». Негативы у меня есть...

А вот это фото 65-го года, Соковнин с Мальковым на Соловках. Мы там встретились совершенно неожиданно друг для друга, я его первый увидел, попытался напугать, напал сзади...

Потом я вывесил во ФБОНе серию фотографий под названием «Идиллия "Соловки"». Мне казалось, что вся эта разруха, стены, арки, камни, составляют какую-то единую структуру, устремленную в nirvanу. На выставке, была книга отзывов; листаю ее и вижу запись: «Потрясающим образом передано чудовищное...» и т. д. Мы тогда, будучи на Соловках, не знали, что там был

лагерь. Экскурсовод не сказал ни одного слова об этом: рассказывал, как монахи стирали белье, показывал первую в России электрическую станцию, водил на Секирную гору (какой вид!), а о лагере ни слова...

Были у вас с Соковниным любимые книжки общие?

К.Д. Владимир Соловьев. Звоню Соковнину: «Слушай, я тебе книжку купил». Я до того и не знал, что есть такой поэт. И начинаю читать: «Милый друг, истомил тебя путь...». А Миша продолжил, и дочитал до самого конца. Откуда он это знал? Соковнин был бесконечно дальше меня, далеко ушел. Я даже следов его в этом отношении не видел.

Обэриутов читал?

К.Д. Он любил Хармса. Очень любил Хармса.

А Козьму Пруткову?

К.Д. Да, конечно.

Самиздат до вас доходил?

К.Д. Нет.

Н.З. Я читала «Гулаг».

К.Д. Политический самиздат доходил, но не художественный... Соковнин, конечно, читал. Но я к этому, в общем-то, не рвался. Миша видел, что мне это не нужно. Помимо нашей общей с ним жизни и интересов у него была и другая, к которой я не имел отношения. Миша умел разделять это, хотя был ко мне очень расположен и мы говорили с ним на самые глубокие темы.

А что это значит — другая жизнь?

К.Д. Другой круг общения. Колоссальный.

...

Н.З. Я вспоминаю поминки. Очень пустая комната. Длинный стол. Много народу за этим столом. Все молчат. Очень простая еда — редиска или что-то в этом роде. И все хрустят этой редиской... А потом Расстригин сказал: «Будем петь любимую песню Соковнина». И стал стучать. «У лошади была грудная жаба, но лошадь, как известно, не овца...»

К.Д. Он умер в больнице, в Боткинской.

В Пироговской клинике

Все врачи все киники.

Публиковалось это?

Нет, кажется.

К.Д. Я к нему приходил. Каждый раз он выглядел всё хуже. Как-то я к нему пришел, а он как бы не подавал признаков понимания. Я говорю: «Мишка, это я, твой друг». Взял его за руку. А он: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен...». И прочел всего «Черного человека», с начала и до конца.

Он любил Есенина? Или это было для вас неожиданно?

К.Д. Не знаю, любил ли. Все-таки «Черный человек» и Есенин вообще — не одно и то же.

В последний день, когда он умирал... Лежал на железной кровати, и кровать ходила ходуном, от ударов сердца. Сердце гоняло кровь само на себя, а не на организм. И было такое впечатление, что он все-таки в сознании. Страшное

дыхание — ему не хватало воздуха — он его прерывал, облизывал губы и начинал снова так дышать. Это продолжалось очень долго. Я сказал Ольге Михайловне: «Ну всё, пульса уже нет», попрощался с ней и пошел.

Как вам кажется, работал ли он, т.е. были ли какие-то постоянные, организованные занятия? Или нет — не хотел и/или не мог этого просто физически?

К.Д. В музеях — это было спорадически. А между этим — ничего.

Он много лет был штатным лектором в Бахрушинском, что бы это ни значило.

Не хотел или не мог? Или он занимался другими вещами, требующими свободы?

К.Д. Он бы хотел, я думаю.

А он считал себя писателем?

К.Д. Да. Считал себя поэтом.

Как вы думаете, когда примерно написан «Вариус»? Наталья Сергеевна <Годзина-Булатова, жена Соковнина> говорит, что ко времени их знакомства он уже почти был (это 68-й год).

К.Д. «Вариус» — это не только Соковнин, это еще и Мальков.

Участие Малькова вроде бы незначительное?

К.Д. Значительное. Фифти-фифти. Причем Мальков был более авторитарен, энергичен, он, конечно, был в этой связке лидером.

А различить то, что принадлежит Малькову и что Соковнину, возможно?

К.Д. Нет.

А как это — фифти-фифти? 50 процентов текстов у каждого? Или они каждый текст придумывали вместе?

К.Д. Всё вместе. Как Ильф и Петров.

А откуда вы знаете про это фифти-фифти? Видели, как это происходило? Или они сами говорили?

К.Д. Я это чувствую. Это очень чувствуется в их магнитофонных записях. В их совместной работе, которую я наблюдал. Они были едины в двух лицах. Мальков был более смелым. В смысле формы.

Чуть-чуть поподробнее?

К.Д. Это только ощущение мое. Это было так давно. Это не зафиксировано.

Сам Мальков ничего не писал, кроме «Вариуса»?

К.Д. Сам на себя Мальков ничего не брал. Прятался за Соковнина. Хотя играл очень большую роль.

В 91-м году Мальков сказал, и Некрасов потом повторил в предисловии к «Рассыпанному набору», что они с Соковниным, когда придумывали своего «Вариуса», якобы не читали Кафку.

К.Д. Что Соковнин не читал Кафку, я не могу этого допустить. По-моему, я даже слышал что-то от Соковнина о Кафке. Кафку я сам в те годы не видел и не читал. Но Соковнин мне про него говорил.

Может быть, эти странные слова Малькова можно понимать как основание для относительной датировки основного корпуса или замысла «Вариуса» — не позднее 1965 года, когда появилось известное издание Кафки по-русски.

...

К.Д. Соковнин как-то начал напевать мне «Последний троллейбус». — «Ты что поешь гадость какую-то?». Соковнину стоило больших трудов убедить меня, что это хорошо.

Н.З. Миль нам тоже пел Окуджаву.

К.Д. Одну только песенку, и уже после: я оценил, ого, мол; значит, уже знал, и по этому, кстати, можно датировать — когда именно Соковнин мне Окуджаву показал. А зато я показал ему Орфа.

И Некрасов тоже любил Окуджаву...

...

К.Д. В самом начале шестидесятых мы ходили в музей Глинки на лекции бывшего скрипача Анатолия Исааковича Волкова.

Иногда я водил туда Соковнина. В частности, Соковнин был на лекции по «Огненному ангелу» Прокофьева. Возвращаемся домой, идем рядом, Соковнин молчит.

— Ну что?

— Первая опера мира.

А потом в Доме звукозаписи (между прочим, Дом звукозаписи был шефом нашей школы) люди собрались вместе послушать трансляцию «Огненного ангела» по радио. И перед самым началом Соковнин вышел на трибуну (я его туда вытолкнул, по-моему) и стал лекцию читать. А я побежал домой, включил радио и записал эту оперу на магнитофон.

...

Е.П. Соковнин актерствовал?

К.Д. Это очень хороший вопрос, но ответить на него трудно. Нет, он не актерствовал. Он не актерствовал так же, как впоследствии не актерствовал, читая свои стихи, Бродский. Соковнин читал так, как он считал нужным, чтобы звучали стихи. Равнодушно. Равномерно. Иногда с жестикуляцией. Но актерства в нем не было.

А в общении?

К.Д. Нет, заигрывания у него никакого не было ни с кем.

То есть никаких ролей в разных средах?

К.Д. Нет, не было. Он не менялся. Вот про себя я где-то писал: «Каждый носит с собою отдельную маску, на меня надевая при встрече». У него ничего такого не было.